

В гостях у Роже Вайяна

За окном гостиницы — московская зима. Медленно кружатся в воздухе редкие снежинки. Серый массив стоящего напротив огромного здания рассечен по горизонталям запорошенными снегом карнизами. С улицы доносится приглушенный двойными рамами шум бесконечного потока автомобилей, характерный скрежет снегоуборочных машин.

У окна стоит худощавый, невысокого роста человек в сером костюме. У него хорошее, открытое лицо, живые, выразительные глаза. От глаз бегут мелкие, еле заметные морщинки. Когда человек улыбается, в глазах его загораются веселые огоньки, морщинки эти лучатся теплым, радостным светом.

— Видите ли, — говорит он, удобно усаживаясь в кресло, — это и легко и трудно рассказать. Легко потому, что пережитое и передуманное прочно входит в жизнь человека и тщательно сохраняется в памяти, трудно — ибо взгляды меняются под влиянием бесчисленного количества обстоятельств, иногда, кажется, совсем незначительных.

Имя нашего собеседника хорошо известно не только на его родине — во Франции. Его знают во многих странах мира. Это человек, не побоявшийся в условиях американской оккупации открыто заявить устами героя своей напумовшей пьесы: «С захватчиками не разговаривают, их прежде вышвыривают воп». Это — Роже Вайян, автор широко известной пьесы «Полковник Фостер признает себя виновным».

Сейчас эта пьеса идет в Москве, в Театре имени Ленинского комсомола. По приглашению Союза советских писателей автор ее приехал в СССР, чтобы увидеть на советской сцене свое произведение, чтобы ознакомиться с жизнью советских людей, их культурой и искусством.

* * *

— В нашей стране, — рассказывает Роже Вайян, — как и во всем мире, впрочем, сама жизнь агитирует против войны, сама жизнь выводит людей на тот путь, который избрал и я.

В стране, начертавшей полтора столетия назад на своем знамени слова «Свобода, равенство и братство», сгоняют сегодня с земли крестьян и строят на ней аэродромы, лишают работы рабочих, если они не заняты в военной промышленности, без всякого повода бросают людей за тюремную решетку. И неудивительно, что в этих условиях все большее число французов подымается на борьбу за мир и независимость родины, на борьбу за хлеб, за право на труд!

Судьба Роже Вайяна очень показательна для его поколения, она напоминает судьбы многих интеллигентов сегодняшней Франции. Будучи еще юношей, писатель испытал на себе серьезнейшее влияние сюрреализма. Это и немудрено. Он и его сверстники воспитывались в университете в атмосфере воинствующей апатичности: студенчеству пытались внушить, что участие интеллигенции в политической жизни — это позорное, бесчестное, недостойное людей разума дело. Им вбивали в голову мысль, что занятие политикой — измена чистой науке, искусству, полная интеллектуальная деградация. Но, как ни тяжел был этот духовный гнет, в душе у многих людей действительность рождала чувство неудовлетворенности, внутреннего протеста, чувство, будоражащее мысль, толкающее на путь исканий.

— Я уже тогда, — говорит Роже Вайян, — принадлежал к тем кругам французской интеллигенции, которые симпатизировали левым партиям. Но наши идеи были еще слишком общи, а рассуждения слишком расплывчаты и бесформенны. Мы окончательно пробудились от этой спячки, только очутившись в оккупированной нацистскими ордами стране. Раньше многие из нас думали, что, оставаясь вне политической борьбы, мы защищаем нашу духовную свободу. Оккупация показала нам, что своей пассивностью мы просто облегчаем действия наших врагов. Мое поколение по-разному реагировало на это «открытие». Одни подчинились ходу событий, некоторые приняли к мысли о самоубийстве, но наибольшая часть моих сверстников приняла активное участие в борьбе против гитлеровцев. Для меня лично сопротивление явилось настоящим пробуждением от сна.

Вспоминая об этой славной странице истории французского народа, Роже Вайян заметно волнуется. Он говорит быстро, ему хочется рассказать как можно больше. В его голосе явственно звучат нотки гордости за свой народ, за ту стойкость и мужество, которые он проявил в борьбе с захватчиками.

В первые месяцы оккупации писатель находился на юге Франции, на территории, «контролируемой» правительством Виши. Работая в газете «Пари-суар», он всячески старался противиться коллаборационистским тенденциям ее руководителей. Поняв вскоре тщетность своих попыток, тридцатидвухлетний Вайян решает уйти в подполье, отдать все силы борьбе против гитлеровцев и их приспешников. Он перебирается в оккупированную гитлеровцами зону и поселяется в Париже. Здесь ему удается связаться с товарищами из центральной железнодорожной администрации. Он тщательно собирает сведения о движении немецких воинских эшелонов, о состоянии подвижного состава, о количестве и боеспособности фашистских войск. Этими сведениями Роже Вайян снабжает руководство движения Сопротивления. Не удовлетворяясь своей работой, писатель организует центры по сбору информации не только в столице, но и на других железнодорожных узлах. Он делает все возможное для того, чтобы помочь патриотам громить немецких захватчиков. В борьбе с врагом гибнут его близкие, но Вайян продолжает работу. В ходе борьбы мужает и крепнет его мировоззрение, закаляется характер, ширится связь с трудовым народом. Писатель начинает сознавать, что жизнь всякого честного интеллигента неотделима от судьбы народа, от его трудной, но величайшей борьбы.

— С тех пор я всегда в борьбе. Я стараюсь быть там, где я полезен моему народу, — голос писателя звучит особенно взволнованно, выдавая внутреннее напряжение.

Он умолкает на минуту и после некоторого раздумья, как бы вспоминая о самом главном, говорит:

— Вот вы спрашиваете, как я пришел к коммунистической партии... Если проследить за моими произведениями, то, мне кажется, это станет очень понятным. Духовно, внутренне я давно был к этому подготовлен. Но решение вступить в коммунистическую партию созрело, когда я увидел все более наглые действия реакции весной прошлого года: арест Жака Дюкло и других патриотов, полицейское запрещение моей пьесы. Я понял тогда, что наиболее активно бороться за демократические свободы и мир, за нашу национальную независимость, за все, что стремится отнять у нас империалисты, — это значит организационно связать свою судьбу с Французской коммунистической партией, идущей в авангарде этой славной народной борьбы. 6 июня 1952 года я вступил в КПФ. Я всегда буду помнить этот день...

Мы тоже помним этот день. Мы помним телеграмму из Парижа, опубликованную в советской печати. «Я приветствую принятое тобой решение вступить в нашу великую Французскую коммунистическую партию, партию Мориса Тореза, партию светлого будущего. Я обнимаю тебя, приветствуя в твоём лице нового борца за великое дело коммунизма, за великое дело Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина», — писал тогда Вайяну из тюрьмы «Санте» секретарь КПФ Жак Дюкло...

Роже Вайян предлагает нам сигареты. Мы, в свою очередь, потчует его нашими. Узнав, что это — самые популярные у москвичей сигареты, французский писатель долго с любопытством рассматривает их, потом медленно прикуривает и с удовольствием затягивается. Затягиваясь, он снова, как и в начале нашей беседы, улыбается каким-то своим мыслям.

— А вы знаете, как меня арестовали в Египте? — говорит он нам, продолжая улыбаться. — Приехал я туда по заданию журнала «В защиту мира» и французского еженедельника «Леттр франсез». Побывав в Каире, решил посетить сельскую местность и направился в одну из деревень, куда меня пригласил арабский поэт Гамаль. Знакомясь с жизнью египетских крестьян-феллахов, мы с Гамалем явились свидетелями ссоры, происшедшей на деревенской улице. Внезапно появилась полиция и арестовала всех, кто был в это

время поблизости. Прочтя мое командировочное удостоверение, где говорилось, что цель моей поездки — осветить экономическое, политическое и культурное положение в стране, и обнаружив в моем портфеле цветок хлопка, который я сорвал на память об Египте, полицейские чинуши не нашли ничего острейшего, как обвинить меня в... сельскохозяйственном шпионаже. На этом, впрочем, полиция не остановилась: найдя в моих журналистских записках и заготовках фамилии некоторых политических и государственных деятелей Египта, ее агенты заявили, что это фамилии людей, которых по приказу «красных» я якобы должен уничтожить. В Египте меня возили по разным тюрьмам. Два дня в одной, три дня в другой. Но я не чувствовал себя оторванным от мира. Через пять дней после ареста ко мне в камеру вошел полицейский офицер и, злобно скалясь, процедил: «О вас говорят радиостанции всего мира». Должен сказать, что многочисленные телеграммы протеста, присланные из разных стран, сделали немало для моего освобождения. Кстати, о предъявляемом мне обвинении в Нью-Йорке почему-то узнали раньше, чем я сам: на другой день после моего ареста каирский корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс получил телеграмму, в которой его просили немедленно прислать статью об аресте Роже Вайяна, обвиняемого в покушении на «государственную безопасность» Египта...

Роже Вайян рассмеялся и, продолжая начатую мысль, сказал:

— Впрочем, такие «новости» для меня уже не новость. Аналогичный случай произошел со мной в Париже, когда, используя не менее смехотворные поводы, запретили мою пьесу «Полковник Фостер признает себя виновным»...

Он встал, прошелся по комнате и снова сел. Сказал:

— Ну, хорошо, запретили пьесу в Париже. А к чему это привело? К тому, что за последние три месяца я видел ее на сценах Праги, Будапешта, Милкольца, Варшавы, Берлина. Я видел ее в Москве и на днях увижу в Ленинграде. Везде ее играют самобытно, по-разному, но каждый спектакль — это обвинение, брошенное американским агрессором. Вот вернусь во Францию, может быть, удастся съездить посмотреть свою пьесу и в Лондон, где ее ставит прогрессивный театр «Юнити», и в Брюссель...

Когда Вайян узнает от нас, что «Полковник Фостер» поставлен в декабре минувшего года и в Икхеняне, он радуется, как ребенок. Его счастью нет границ. Он тут же вскакивает с места и звонит товарищу, делясь с ним своей радостью. Вернувшись от телефона, все с тем же счастливым выражением лица писатель взволнованно говорит:

— Я напишу еще пьесу. Это будет пьеса о Французской революции...

Автор многих романов («Чуждая игра», «Плохие дела», «Твердая рука и верен глаз», «Одиночество молодого человека»), получивший премию Ибсена за свою первую пьесу «Элоиза и Абелар» и ставший известным далеко за пределами Франции после постановки своей второй пьесы — «Полковник Фостер признает себя виновным», Роже Вайян, живя постоянно в деревне, работает много и упорно. Сейчас он пишет роман, посвященный тяжелой жизни французских крестьян. Затем, по его заявлению, он будет работать над новой пьесой.

Этот сухой, маленький человек очень энергичен. Его мысль быстра и подвижна. Это видно во всем его облике и особенно в его выразительных глазах. Вот сейчас в них много тепла, любви и уважения. Он говорит о Советском Союзе:

— Я много читал о вашей стране. Но то, что я здесь увидел, богаче и ярче всех моих прежних представлений. Мне нравится ваша столица, ее облик прекрасен. Ваши люди вызывают удивление и восхищение. Это люди мира и труда, люди большой души. Я видел, как на спектакле «Анна Каренина» многие плакали, не стесняясь своих слез. В советских людях очень много доброты, гуманности...

Мы готовы расспрашивать Вайяна еще и еще. Так много хочется услышать от него. Но пора уходить. Через несколько часов писатель уезжает в Ленинград.

А. КОЗЛОВ.

В. ЛЕДНЕВ.